

Вкус моцартовских шариков

Обзор 205. - 1998 - 19-25 марта - с. 9

Знаком ли вам вкус знаменитых моцартовских шариков — Mozartkugeln? Нет, не тех, что в красно-золотых мундирах сходят с конвейера и доступны сегодня жителям европейских столиц, в том числе и Москвы! Тех, заветных, обмакутых в глазурный раствор тонкими пальчиками зальцбургской шоколадницы, обернутых в таинственное синее-серебряное платьице и подаваемых изящными ручками в одном из спрятанных в глубине зальцбургских пассажей сокровенных кофейных домов? Если вы хоть раз пробовали эти сладости, присвоившие себе имя Моцарта, то их вкус, вид и принадлежность к мифу скажут вам многое о новом балете, сочиненном главным хореографом Венской Штаатс-опер Ренато Дзанеллой и носящем громкое название «Вольфганг Амадей».

Но я допускаю, дорогой читатель, что вы не вкушали заветных шариков, и потому коротко откомментирую случившееся.

Дзанелле надо было во что бы то ни стало поставить полнометражный балет и завоевать Вену, помешанную на опере и равнодушную к балету. Он решил соединить три мифа — о Моцарте и Сальери (не в виде трагического пушкинского сгустка, но в нарративной версии Питера Шеффера), о Моцарте и Вене эпохи классики, а также миф танцовщика Владимира Малахова, объявленного частью критики новым Нижинским.

Использование трех мифов сразу привело отнюдь не к их мультипликации. Напротив, все мифическое размылось и превратилось в глянцевую обертку.

Миф первый. Моцарт текуч, легок, изящен. В меру анархичен и в меру шутлив, в меру сильфиден и в меру фавновиден. Он по ходу действия часто кашляет, как Виолетта в «Травите», и умирает в муках под музыку второй арии Царицы ночи из «Волшебной флейты». Но сразу после этого, под не менее волшебную музыку анданте из клавирного концерта ля-мажор, воскресает и идет вместе с маленьким Моцартом к публике, даря нам свое вечное присутствие. Сальери атлетичен, демоничен, техничен и

магнетичен. Он рвет нотные листы, много жестикулирует, убивает Моцарта, сходит с ума, стареет и умирает. И, заметьте, не воскресает.

Вена эпохи классики правит свой триумф в оформлении Хорди Ройга. Просторные плацы на задниках, изысканные наряды на изящно танцующем и вольно болтающем и даже кричащем кордебалете (глетворное влияние танц-театра!), шикарные туалеты на императоре, графьях и баронах. Стильные сочетания тонов и полутонов, безупречная световая партитура. Кулинарность высшего венского качества.

Миф Малахова работает внутри самого себя. Качество танца этого одержимого танцем мастера не обсуждается. Но исполнитель Салье-

ри бельгиец Никола Мюзен, обладатель, судя по всему, еще и неординарного балетмейстерского таланта (премии Сержа Лифаря и Леонида Мясина), наступает Малахову на пятки. И не как придуманный Сальери придуманному Моцарту, но как творец — исполнителю. Здесь, в образе Сальери, скрыто ядро этого заветного синееобертого моцартовского шарика.

Хочется уйти в темноту, чтобы до конца осмыслить этот многозначный образ. В Никола Мюзене сквозит великий моцартовский Дон-Жуан, рядом с которым кокетливый Вольфганг Амадей кажется простушкой Церлиной.

Алексей ПАРИН

Моцарт — Владимир Малахов, Сальери — Никола Мюзен